ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ХОРРОР-ТРИЛЛЕР

ЛОЖНЫЙ СТВОР

НЕ КАЖДЫЙ МАЯК ВЕДЕТ ДОМОЙ

СТАНИСЛАВ РУБИНОВ

Станислав Рубинов

Ложный створ

«Автор»
2026

Рубинов С.

Ложный створ / С. Рубинов — «Автор», 2026

Из подземного бункера «Кронштадт-Глубокий» исследовательская группа «Азимут-9» под началом штурмана Макара Ветрова шагает сквозь фазовый прокол в соседнюю реальность. Но гравитационный сдвиг обрубает кабель связи и намертво схлопывает обратный проход к родной Земле.Сквозь эфирные помехи пробивается аварийный позывной «Кронштадт-Возврат», однако радиомаяк бьет не из дома, а с тринадцатого параллельного «листа» впереди. Переносная установка «Спица-9» прошивает смежные миры только по очереди, слой за слоем.Чтобы вернуться, отряду предстоит пересечь двенадцать неведомых Земель: от безмятежных бирюзовых отмелей с поющими коралловыми органами и тихих медовых степей до гибельных разломов, где порождения чужой эволюции не прощают малейшей оплошности. С каждым броском людей в строю остается все меньше, а тревога лишь нарастает - что на самом деле ждет выживших у источника сигнала?

© Рубинов С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Поющие отмели 6
Глава II. Колокольня слепых 9
Глава III. Август фарфоровых башен 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Станислав Рубинов
Ложный створ

Глава I. Поющие отмели

Кронштадт-Глубокий пах мокрой известью, горелым фторопластом и несвежей щёлочью из охладительного контура. Мы провели в его подземных штольнях сорок суток, замурованные под тремя сотнями метров гранита и свинцовых плит, слушая, как в трансформаторных нишах надрывно воют насосы сверхпроводящих магнитов. Когда соленоид фазового прокола дал третий импульс и двухметровая круглая диафрагма в торце зала лопнула ослепительно-фиолетовой вспышкой, в лицо нам ударил не холод чужой пустоты, а густой, горячий ветер, пахнущий дикой приморской мятой, йодом и прокалённым солнцем кварцем.

Мы шагнули через порог - и серый полумрак испытательной каверны исчез, будто его никогда не существовало.

Под подошвами грубых полевых ботинок захлюпала тёплая, кристально чистая бирюзовая вода. Она доходила всего до щиколоток, укрывая тончайший белоснежный песок, плотный и гладкий, как просеянная мука. Мелководье уходило во все стороны до самого горизонта, ровное, без единой волны, лишь мелкая рябь от наших осторожных шагов разбегалась золотыми чешуйками под солнечными лучами. Небо над головой стояло густого янтарного оттенка, точно застывший июльский мёд, и посреди этого купола пылало не одно светило, а целое оптическое таинство: вокруг ослепительного белого диска смыкалось циклопическое кольцо морозного гало, порождая по бокам два ложных золотых паргелия. Казалось, над миром раскинулся гигантский сияющий трезубец, заливающий безбрежные отмели ласковым теплом.

- Атмосфера чистая, - голос Веры Нечаевой в гарнитуре прозвучал с лёгкой хрипотцой, а затем щёлкнули герметичные замки её шлема. - Давление семьсот сорок пять миллиметров, кислород двадцать два процента. Ни следа метана, сероводорода или аммиака. Дышите, мальчики. Можно без фильтров.

Первой не выдержала Кира Левина. Сдёрнув гермошлем, она запрокинула голову, подставив лицо упругому ветру, и её короткие медные волосы, вечно непокорные и примятые подшлемником, тут же разметало по щекам. Ей было тридцать три года, но в этот миг, щурясь на тройное солнце, она казалась девчонкой с полевой биостанции на Белом море. На указательном и среднем пальцах её левой руки белели старые шероховатые рубцы - памятка о взорвавшемся сосуде Дьюара с жидким азотом во время её первой студенческой зимовки в Хибинах. Кира опустилась на колени в бирюзовое мелководье, ничуть не заботясь о намокших наколенниках комбинезона «Вектор-М», зачерпнула пригоршню песка и засмеялась - звонко, счастливо, до прозрачных слёз на выгоревших ресницах.

- Макар, ты только посмотри! - крикнула она мне, пропуская сквозь ладонь блестящие крупицы. - Никакого ядовитого базальта, чистейший кварц! И вода пресная, лишь с лёгким привкусом йода... Господи, после каменной могилы в Кронштадте это же настоящий Эдем! Полноценный, живой рай!

По плечам её защитного скафандра шла яркая жёлтая полоса биологической безопасности, а широкий брезентовый пояс топорщился десятком медных герметичных кассет для полевых проб. Кира уже отщёлкивала первую крышку, жадно и радостно оглядываясь вокруг.

А вокруг простиралось чудо, какого не знала ни одна геологическая карта Земли. В полукилометре от нас из самого бирюзового зеркала воды поднимались исполинские рощи. Это были не деревья и не скалы: полупрозрачные, розовато-опаловые коралловые образования взмывали ввысь на двадцать с лишним метров, напоминая трубы фантастического кафедрального органа. В их пористых, промытых приливом кремниевых трубках непрерывно рождался звук. Тёплый бриз протекал сквозь тысячи полых раструбов, и над бесконечной гладью стоял глубокий, бархатный мажорный аккорд. Звук этот вибрировал в воздухе, отдаваясь в солнечных сплетениях тёплой, удивительно покойной дрожью. Мелодия не затихала ни на мгновение:

она переливалась от нежного переливчатого контральто к густому, обволакивающему виолончельному басу.

Высоко в янтарной вышине, мерно покачиваясь на воздушных течениях, плыли неспешные владыки этого неба - полупрозрачные живые купола медуз-парусов размером с добрый городской квартал. Наполненные лёгким болотным водородом, они мерцали изнутри мягким лазурным сиянием, распуская за собой тончайшие серебристые шлейфы нитей, в которых лениво путался солнечный свет. В институте параллельные Земли называли «листами» - они лежали в многомерном пространстве вплотную друг к другу, будто страницы гигантской закрытой книги: наша родная Земля значилась на картах как Лист-Ноль, а здесь, за порогом прокола, дышал первый соседний мир. И этот первый лист казался безмятежным до щемящей боли в груди.

Я сдвинул забрало на затылок, глубоко вдохнул незнакомый воздух и привычным жестом потёр левый висок. Там, среди тёмных прядей, белела широкая седая полоса - памятка о старом бароудare на глубоководном испытательном стенде в Северодвинске, когда мне едва стукнуло тридцать. В свои сорок один я давно разучился безоглядно доверять первому впечатлению аппаратуры. Поверх прорезиненного рукава моего штурманского скафандра был намертво притянут стальными хомутами массивный механический хронометр в титановом ударопрочном корпусе. Пока наш младший геофизик Дан Корж восторженно черпал ладонью воду, а бортовой акустик Тимур Сафин застыл с блаженной улыбкой, слушая орган, я вытащил из нарукавного планшета огрызок мягкого карандаша и раскрыл засаленный рабочий блокнот. Никакая цифровая автоматика не заменит ручного карандашного расчёта фазовых триангуляций по солнечным паргелиям, когда за твоей спиной лежит зыбкая граница между складками многомерного пространства.

- Стабильность точки выхода сто процентов, - доложил за моей спиной Павел Ожогин. Наш главный инженер стоял возле разложенного на титановых сошках фазового волновода, связывавшего нас с базой на Листе-Ноль. - Контур держит геометрию. Бронированный кабель транслирует телеметрию в Кронштадт без малейших потерь.

Позади Ожогина Артур Громов - наш молчаливый великан-такелажник - с тяжелым металлическим стуком опустил на белый песок тридцативосьмикилограммовую станину переносного керна «Спица-9». Положив огромные заскорузлые ладони на титановые рукояти, Гром шумно перевёл дух и посмотрел на поющие башни с редкой для него мягкой полуулыбкой.

- Снимем пробы бентоса и начнём сворачивать контрольный пост, - сказала Кира, бережно укладывая запечатанную кассету в гнездо пояса. - Макар, дай мне ещё пять минут. Я только посмотрю вон тот слоистый нарост у поющей башни. Пожалуйста.

Она улыбнулась мне своей открытой, чистой улыбкой, от которой у глаз собирались лучистые морщинки. В ту секунду мне казалось, что программа «Азимут-9» снимет наконец мрачное проклятие с фазовых бросков и вернётся на базу с образцами земного рая.

Но в следующее мгновение янтарный купол неба без звука раскололся над нашими головами.

Это не походило на гром или артиллерийский удар. Мир вокруг резко дёрнулся, точно фотоснимок, смятый в гигантской невидимой ладони. Бирюзовая вода под ногами мгновенно отхлынула, оголив мокрый песок, а воздух распорола ослепительная фиолетовая трещина гравитационного сдвига.

Хруст перерубленного металла хлестнул по ушам, словно орудийный выстрел в упор.

Толстый стальной волновод связи, тянувшийся через зев портала к подземному стенду, перерубило наискось, будто сухую соломинку бритвой. Синее кольцо обратного створа за нашими спинами схлопнулось с утробным, свистящим хлопком, взметнув столб шипящего пара и мелких песчинок.

На отмели повисла мёртвая тишина. Даже кремниевые органы замолчали, сбитые с резонанса чудовищным перепадом давления.

- Волновод перебит! - выкрикнул Ожогин, кидаясь к оплавленному обрубку кабеля, из которого сыпались белые искры остывающего сверхпроводника. - Обратный створ... он схлопнулся! Нас отрезало от Кронштадта!

- Без суеты, - мой голос прозвучал неестественно сухо, хотя под ложечкой противно заныло от холода. - Гром, ставь «Спицу» на упоры. Тимур, запускай обзорный приёмник. Ищи опорную частоту стенда.

Сафин лихорадочно щёлкнул тумблерами на нагрудной панели своего акустического блока. Несколько бесконечных секунд в наушниках выл лишь слепой межпространственный вой. И вдруг сквозь белый шум пробился отчётливый, мерный радиосигнал.

Пип... Пип... Пип...

- Есть несущая! - выдохнул Тимур, и его худое лицо осветилось слабой надеждой. - Частота сто сорок два мегагерца. Тональный код «Кронштадт-Возврат». Аварийный створ жив!

Я взглянул на механический хронометр, торопливо черканул карандашом в блокноте угол сдвига фазового вектора и замер. Волосы на затылке шевельнулись.

- Это не Кронштадт, - негромко произнёс я, глядя на застывших товарищей. - Сигнал бьёт не с нашей Земли, не с нулевого листа. Он идёт с другой стороны многомерной стопки - ровно из тринадцатого параллельного мира впереди.

Кира не спеша поднялась с колен, прижимая к груди латунную кассету. Её медные пряди трепетали на ветру, а в расширенных глазах вместо недавнего восторга плескалась немая тревога.

- Что это значит, Макар?

- Переносная «Спица» не умеет перескакивать через слои - она прошивает соседние реальности только по одной, слой за слоем, - ответил я, оглядывая сияющий бирюзовый океан, ставший нашей первой золотой клеткой. - Назад к Листу-Ноль проход завален сдвигом. Чтобы выйти к аварийному маяку и вернуться домой, нам придётся пройти все двенадцать промежуточных миров насквозь - до самого тринадцатого листа.

Глава II. Колокольня слепых

Второй параллельный мир - следующий лист за Поющими отмелями - встретил нас мёртвой, вязкой тишиной, от которой сразу заломило в висках.

После солнечного бирюзового простора Поющих отмелей мы будто провалились на дно глубокого гранитного колодца. Воздух здесь был затхлым, холодным и липким от серого тумана, висевшего неподвижной пеленой. Вокруг вздымались циклопические шестигранные столбы из чёрного базальта. Они теснились вплотную, образуя узкое, лишённое неба ущелье, по дну которого струилась илистая, пахнущая прелью жижа. Но страшнее всего был рельеф скал. На мокрых базальтовых гранях повсюду торчали бледные мясистые наросты - пепельные хрящевые раструбы, похожие на вывернутые наружу граммофонные трубы. Они ничем не пахли и не двигались, но стоило кому-то из нас сделать неосторожный вдох, как гладкая кожа внутри воронки едва заметно вздрагивала.

- Не шуметь, - одними губами скомандовал я, показывая отряду сомкнутый кулак. - Ступать точно в мой след. Никаких металлических звуков.

Мы двигались вдоль расщелины уже сорок минут. На спине Артура Громова тихо щёлкал реле фазовый керн: чтобы пробить переход на следующий Лист, конденсаторам «Спицы-9» требовалось накопить заряд от слабого пьезоэлектрического фона базальтовых жил. Индикатор на станине едва перевалил за семьдесят процентов. До открытия окна оставалось около двух минут.

Рядом со мной бесшумно шёл Тимур Сафин. Нашему бортовому акустику и криптолингвисту было двадцать девять лет. Сухощавый, узколицый парень родом из Казани, он обладал длинными, удивительно чуткими пальцами музыканта и абсолютным слухом. В детстве Тимур жил в бараке у напорной компрессорной станции газопровода. Пока соседские мальчишки гоняли мяч по пыльным пустырям, он часами сидел на тёплых трубах, прикладывая ладонь к стальной обшивке: по едва уловимому тембру гула он безошибочно угадывал микроскопические трещины в сварных стыках за недели до того, как их фиксировали контрольные датчики дефектоскопии.

У Сафина была въевшаяся в плоть привычка: слушая пространство, он всегда прижимал два пальца к собственной правой ключице, считывая костную проводимость черепа. Вот и сейчас его чуткая кисть лежала на кости, а голова была слегка наклонена к плечу. Наушники плотно охватывали его уши. Он непрерывно вслушивался в далёкий радиосигнал аварийного «Створа возврата», бивший сквозь пласты многомерного веера.

Вдруг Тимур тронул меня за рукав. Глаза его за стеклом щитка потемнели от крайнего напряжения.

- Макар, - прошептал он в закрытый микрофон, так тихо, что звук едва пробивался сквозь шорох мембраны. - Послушай этот створ. Там не просто несущая частота Кронштадта. Я слушаю его шестой цикл подряд.

- Что там? - так же шёпотом отозвался я.

- Пауза. Каждые девятнадцать секунд передача прерывается. И в этой паузе звучит странный двойной щелчок... Сухой, тугой звук. Будто смыкается хрящевой клапан в живой глотке. Механическое реле щёлкает иначе, Макар. Это не кварцевый генератор базы, это...

Договорить он не успел.

Шедший замыкающим Дан Корж, наш младший геофизик, поскользнулся на покрытом склизким мхом базальтовом уступе. Парень отчаянно взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, но массивный карабин КС-12 сорвался с его плеча и со страшным, гулким звоном ударил стволом о грань базальтовой колонны.

Звук железа о камень прозвучал в мёртвой промозглости каньона подобно пушечному выстрелу.

Эхо покатилось по ущелью, многократно отражаясь от чёрных столбов. И в то же мгновение тысячи бледных хрящевых раструбов на скалах распахнулись, втягивая воздух с отвратительным хлюпаньем.

Ватный туман над нашими головами пришёл в движение.

- Воздух! - рявкнул Гром, срывая с груди свой карабин.

Из серой пелены, ломая висячие известковые сосульки, камнем рухнула стая. Это были Эхоглоты - или Колокольные жнецы, как мы окрестили их в первые же секунды кошмара. Твари размером с матёрого волка не имели глаз: на гладких клиновидных черепах шевелились лишь густые пучки слепых белых нитей, дрожащих от малейшего колебания воздуха. Но самое ужасное таилось в их анатомии. Длинная, членистая грудная клетка чудовища на лету с треском распахивалась в стороны на шарнирных пластинах, точно раскрытый эмалевый веер, обнажая пульсирующую алую резонаторную мембрану.

Твари спикировали к уступу и синхронно выгнули грудины.

Удар звуковой волны не был похож на обычный вой. Это был низкочастотный инфразвуковой таран, настроенный точно на ритм сокращения человеческих желудочков сердца. Меня сбило с ног, бросив спиной на камни. В лёгких мгновенно закипела кровь, во рту разлился солёный медный привкус, а в ушах тонко и яростно зазвенело.

Дан закричал. Его крик захлебнулся: из левого слухового прохода парня брызнула тёмная струйка крови - перепонка не выдержала чудовищного резонанса. Корж рухнул в жижу, подвернув правую лодыжку с отчётливым сухим хрустом, и забился на камнях, лихорадочно хватая ртом воздух.

- Полторы минуты до заряда! - сквозь звон в ушах пробился сдавленный крик Ожогина. Инженер прижался к расщелине, прикрывая станину «Спицы».

Жнецы кружили над нами, готовясь к повторному залпу. Ещё один звуковой удар - и у нас просто разорвутся лёгочные альвеолы.

- Тимур, гаси их! - закричал я, с колена открывая беглый огонь по снижающимся силуэтам. Пули выбивали фонтаны белой лимфы из известковых сочленений, но твари не чувствовали боли.

Сафин действовал с железным спокойствием человека, всю жизнь укрощавшего давление в трубах. Сорвав с разгрузки направленный раструб акустического излучателя, он прижал пальцы к яремной ямке, за доли секунды поймал частоту колебаний резонатора вожака и выкрутил тумблер генератора на предельную мощность, пустив встречный сигнал в строгой противофазе.

Воздух между нами и пикирующей стаей сплющился, будто там сжалась гигантская резиновая подушка. Две передние бестии прямо в полёте захлебнулись собственной волной: их алые мембраны лопнули с влажным хлопком, и ослепшие твари кубарем покатились по камням, бешено скребя базальт изогнутыми лапами.

- Они идут на частоту! - крикнул Тимур. Перехватив у стонущего Дана линемёт, он на лету примотал изолентой к стальной стреле последний ультразвуковой маячок геофизического зонда, взвёл пружину и выстрелил вверх, в дальнее колено каньона.

Пищащая стрела с шипением унеслась в туман за триста метров от нас. Основная масса жнецов, взвыв на сотни распахнутых рёбер, единым клубящимся клубком ринулась вдогонку за приманкой.

Но две оставшиеся твари уже пикировали на наш отряд.

Их зазубренные серповидные когти метили в горло Ожогину. В тот же миг за спиной инженера наконец взревел трансформатор: конденсаторы «Спицы-9» набрали ёмкость, и в

узком пространстве между базальтовыми столбами раскрылось спасительное синее кольцо диаметром в два метра. Из пробоя пахнуло раскалённой медью и свежим сеном.

- В переход! Все в створ! - заорал я, всаживая остаток магазина в раскрытую пасть ближайшего жнеца. Роговая пасть разлетелась в крошево, обдав меня едкой слизью.

Второй жнец уже взмывал для удара роговым серпом по голове раненого Коржа. Но тут вперёд шагнул Гром. Двухметровый великан с яростным рыком впечатал приклад своего КС-12 в хрящевую грудину твари, вмяв кости внутрь тела, одним мощным движением подхватил окровавленного Дана за шиворот, вскинул обмякшее тело парня на своё могучее плечо и прыгнул спиной вперёд в светящуюся воронку.

Следом за ним нырнули Вера и Ожогин, волоча на себе станину с генератором.

- Тимур, пошёл! - крикнул я, прикрывая отход последними тремя патронами.

Сафин рыбкой метнулся в сияющий зев. Я рванулся следом. В то самое мгновение, когда мои плечи рассекли границу перехода, над моим затылком со свистом рассёк воздух массивный хитиновый серп чудовища. Он ударил в то место, где долю секунды назад горела синяя кромка, высек сноп белых искр из камня и бессильно клацнул в пустоте.

Створ захлопнулся. Мёртвая колокольня базальтовых столбов осталась позади.

Глава III. Август фарфоровых башен

Из черного базальтового ада мы кубарем вывалились в нагретую солнцем густую траву.

Падение обожгло ободранные ладони не гарью и не кислотой, а сухим пряным жаром. Вокруг нас до самой кромки горизонта колыхалось золотое море дикой спелой пшеницы и донника, доставáвшее взрослому человеку до пояса. Воздух здесь был напоён ароматом вяленого разнотравья, сладкого липового мёда и горьковатой степной полыни. Небо стояло высокое, выцветше-голубое, какое бывает на средней Волге лишь на исходе знойного августа, когда полуденное пекло уже уступает место мягкому предвечернему покою.

Мы лежали в траве, шумно и прерывисто дыша, не в силах сразу осознать, что хитиновый скрежет жнецов остался по ту сторону межпространственного занавеса. Все семеро были живы.

- Тихо... Тише, Данька, не дергайся, - негромкий, уверенный голос Веры Нечаевой прозвучал для нас спасительным якорем.

Наш судовой врач уже стояла на коленях возле Коржа, ловко срезая тупыми медицинскими ножницами окровавленный край подшлемника возле его левого уха. Баротравма разорвала барабанную перепонку: из слухового прохода сочилась бурая кровянистая влага. Вера промокнула рану стерильной марлей, щедро залила повреждённую ткань гемостатической пеной и наложила давящую тугую повязку вокруг головы юноши. Затем её сухие, чуткие руки быстро ощупали распухшую правую лодыжку Дана.

- Закрытый вывих и растяжение дельтовидной связки, - констатировала она, доставая из полевой укладки эластичный фиксатор с пластиковыми вставками жёсткости. - Кости целы. Наступать пока запрещаю. Гром понесёт тебя на плече, пока связка не окрепнет.

Дан лишь виновато прикусил губу, опустив выгоревшие ресницы. Его веснушчатое лицо осунулось от стыда: парень считал себя виновником того, что на нас обрушилась слепая стая.

Я поднялся на ноги и огляделся. Лист 3 был непостижимо прекрасен. Это была земля вечного конца августа. Казалось, разумное человечество здесь или никогда не рождалось, или давным-давно, сотни тысячелетий назад, ушло к далёким звёздам, превратив планету в заповедный цветущий сад.

Пологие травянистые холмы венчали стройные стометровые башни, возведённые из ослепительно-белого, гладкого фарфора. Этот материал не имел швов и не знал трещин. На вершинах башен лениво вращались ажурные ветряки, похожие на раскрытые лепестки кувшинок. Ветер гнал их лопасти, и внутри полых фарфоровых колонн двигались невидимые шестерни. Каждые несколько секунд оттуда доносился тонкий, хрустальный перезвон: миниатюрные фарфоровые молоточки касались настроенных в резонанс пластин, выводя над золотыми полями тихую, бесконечно светлую колыбельную. Мелодия лилась в ласковой пентатонике. От её чистых переливов у нас невольно разжимались стиснутые зубы, а в оцепеневших от страха мышцах разливалось благодатное тепло.

В пятидесяти шагах от нас среди зарослей ивняка блестела чистая речная заводь. Широкий прозрачный плёс с белым галечным дном манил прохладой.

Шелест травы над головой заставил нас вскинуть карабины, но тут же опустить стволы.

Из золотистых колосьев выпорхнула небольшая стайка изумрудных птиц величиной с дрозда. Это были шестикрылые зимородки. Их переливчатое бирюзово-зелёное оперение сияло под солнцем, а три пары тонких шелковистых крыльев двигались с удивительной грацией. Птицы не знали человека и потому не ведали страха. Весело почирикивая, они закружили над нашими головами, садясь на стволы карабинов и брезентовые ранцы.

Одна из птиц с любопытством склонила крошечную головку с глазами-бусинками и опустилась на широкую ладонь Артура Громова.

Наш великан-такелажник замер как вкопанный, боясь шевельнуть даже пальцем. Ему было сорок шесть лет. Двухметровый богатырь с мощным костяком и плечами ледокола, он двенадцать лет отработал горноспасателем в глубоких угольных шахтах Баренцбурга на Шпицбергене, вытаскивая людей из-под сотен тонн рухнувшей породы. Через его правую скулу тянулся широкий белый рубец - след жестокого обморожения во время спасательной операции на леднике Норденшельда. На спине Грома намертво сидела титановая рама с тридцативосьмикилограммовой станиной «Спицы-9», но сейчас этот суровый полярный гигант глядел на доверчивую пичугу со смущённым детским восторгом.

Левой рукой Гром осторожно нащупал в наружном кармане сухарь, раздавил его в кулаке в мелкую крошку и протянул ладонь птице. Зимородок бойко склевал угощение, щекотнув кожу мягким тёплым клювом, и звонко тенькнул.

- Смотри ты... - прошептал Гром одними губами, боясь спугнуть гостью. - Совсем ручная. Словно век с нами рядышком жила.

Он полез во внутренний карман разгрузки у самого сердца, чтобы поправить лямку, и я заметил знакомый круглый предмет из потёртого мельхиора на прочной цепочке. Это были отцовские карманные часы марки «Молния». Много лет назад при взрыве метана на шахте «Пирамида» ударной волной выбило стекло и начисто сорвало обе стрелки - и часовую, и минутную. Отец Артура чудом выжил в том завале. Часы достались сыну как фамильный оберег: стекло он вставил новое, но стрелок ставить не стал. Механизм внутри ровно, упрямо и звонко отсчитывал секунды над гладким, молочно-белым эмалевым диском, на котором не было ничего, кроме пустых рисок делений. Время шло, но не имело лица.

- Гром, не двигайся, ради всего святого, - раздался приглушённый шёпот.

Дан Корж, забыв про боль в ноге, уже держал в руках свой промасленный блокнот. Сжимая в руке огрызок прессованного угля, парень стремительными, точными штрихами схватывал на бумаге профиль бородатого гиганта с доверчивой птицей на ладони. На лице юноши впервые за день появилась слабая, светлая улыбка.

Мы спустились к плёсу. Кира с наслаждением скинула пыльные полевые ботинки, закатала штанины комбинезона и опустила босые ноги в хрустальную прохладу воды. Её заразительный, звонкий смех эхом разнёсся над речной заводью. Мы смыли с лиц дорожную копоть и застоявшийся пот подземелий, пили студёную речную воду, отдававшую сладковатым корнем аира, и не могли надышаться свежестью.

Кира присела рядом со мной на широкий тёплый цоколь фарфоровой башни. Её медные волосы высохли и золотились на солнце.

- Макар, - тихо проговорила она, глядя, как над холмами плавно плывут белые лепестки ветряков. - Послушай, как они поют... Здесь нет хищников. Нет голода, нет радиации. Воздух лечит раны. Скажи мне... а что, если мы просто выключим «Спицу»? Разберём генератор на запчасти и останемся здесь? Построим бревенчатый дом у плёса. Будем сеять эту пшеницу. Зачем нам пробиваться сквозь кровь и чудовищ к какому-то тринадцатому створу, если рай - вот он? Под нашими ногами?

Её зелёные глаза смотрели на меня с немой, отчаянной мольбой. И я почувствовал, как моё собственное сердце дрогнуло. Искушение было почти непреодолимым: забыть холодный бункер в Кронштадте, стереть из памяти серые базальтовые когти жнецов, остаться в этом тёплом вечном августе навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.